

Виталий ВУЛЬФ - это целая театральная эпоха. Он знает о театре больше, чем кто-либо другой. Это скромный актер одного маленького театра под названием «Серебряный шар». К сотому выпуску программы в издательстве «Олма-пресс» вышла его книга «Преодоление себя. Драмы за сценой». О собственных жизненных удачах и драмах непревзойденный рассказчик Вульф поведал читателям «Тверской, 13».

- Виталий Яковлевич, я знаю, что вы всю жизнь прожили на Краснопресненской. Давно перебрались на Новый Арбат?

- Пять лет назад. А до этого больше 30 лет прожил в Волковом переулке, в крошечной, 22-метровой, квартире. Спасибо правительству Москвы, которое выделило мне коммуналку. Ее Альбина Назимова (вдова Влада Листьева), талантливый дизайнер и мой близкий друг, переделала в двухкомнатную квартиру. С Альбиной мы дружим давно: и в трудные моменты ее жизни, и в счастливые...

- Влад Листьев бывал в вашем доме в Волковом переулке?

- Конечно. И я у них очень часто бывал. Последний раз виделся за несколько дней до смерти Влада. Помнится, в тот год они с Альбиной прилетели ко мне в Париж просто отдохнуть. Мы провели прекрасных пять дней. Париж, признаться, мой самый любимый город, точка притяжения, где я бываю не реже двух раз в год. Это единственное место, где чувствую себя как дома.

- Вы свободно владеете французским?

- Совсем не владею. Свободно - английским. Мои парижские друзья - сплошь французы, кроме хозяйки дома, Нины Кагански, эмигрировавшей в Париж в 24-м пятилетней девочкой. В этом

ГРАНИ

«СЕРЕБРЯНОГО ШАРА»

Тверская. - 2003. - 2 Дек. - с. 8

году этой удивительной женщине исполняется 84 года. Я познакомился с ней в 1985-м, когда мои французские друзья передали с ней посылку. Когда-то ее отец и дядя открыли в Париже маленькую лабораторию по титрованию немых фильмов. Из этого выросли огромная фабрика «Титро-фильм» и состояние семьи. Восемнадцатый год я останавливаюсь только у Кагански.

- Вам не хотелось навсегда поселиться в Париже?

- Это невозможно. Я понял это, когда два года, с 1992 по 1994-й, жил в Америке. Не могут, с моей точки зрения, русские люди жить за границей, даже имея деньги и друзей. У нас другое сознание. И потом, войти во французское или другое общество - невозможно! Проще - в игольное ушко. А когда меня пригласили в США поработать - два семестра читать лекции «Чеховский театр», «Театр Теннесси Уильямса» - мне создали прекрасные условия: огромная, 150-метровая, и совершенно бесплатная квартира; хорошая, по русским меркам, зарплата - 30 тысяч долларов в год. Но наступил момент, когда нужно было либо оставаться, либо уезжать. Для меня проблемы выбора не было.

- Вы уже работали в то время на телевидении? Было что терять в России?

- Я пришел на телевидение в 1990 году и успел сделать несколько передач о Мэрилин Монро, Мадонне, Плят-

те, Кторове. Всего 11 передач, а в 1994 году по приезде из Америки, меня пригласил к себе Листьев. Так появился «Серебряный шар».

- Концепция и формат ваших передач неизменны - меняются только названия.

- Должно быть так... Я считаю, что «Серебряный шар» исчерпал себя: крупных имен, о которых хочется рассказать, уже не осталось - перед зрителем прошло больше 100 жизней. А спускаться во второй эшелон мне самому не очень хочется.

- Кого вы называете вторым эшелонем?

- Всех, кто за пределом первого. Где настоящие судьбы, биографии, истории жизни.

- Неужели во всем мировом пространстве нашлось всего 100 судеб?

- Я говорю только о российском пространстве.

- А Рузвельт, Мадонна, Монро? Эти программы были, по-моему, самыми популярными.

- Отнюдь. Самыми рейтинговыми оказались Горький, Жаров, Ларионова, Фадеев, Доронино, Варлей. Рассказ о наших звездах интересен уже тем, что процентов тридцать из них я знал лично.

- Как вам удавалось избегать жестких оценок своих героев?

- Я всегда что-то не договаривал. И это что-то легко читалось между строк.

- Какая из ваших программ вызвала наи-

большие дискуссии?

- О Фурцевой, которую я хорошо знал лично. Но я рад, что сделал эту передачу, поставив ситуацию, как говорится, с головы на ноги.

- Так же, как с Ефремовым и Григоровичем...

- Когда люди такого мощного таланта, как Григорович, возглавляют театры, они не могут удовлетворить сразу всех. История Майи Плисецкой - конкретный пример. Мне странно, что сегодня Плисецкая говорит о том, что она была до перестройки невыездной. Но ведь она, как никто другой, выезжала на Запад с 1958 года. При этом она ненавидит Григоровича, ужасно написала о нем в своей книге. Между тем балет «Спящая красавица» был поставлен только на нее и для нее. Она получила Ленинскую премию за три балета, в том числе и за «Спящую красавицу».

Это сейчас ей кажется, что она ничего не танцевала. Неправда: она танцевала все ведущие партии. Когда на многомиллионную аудиторию Плисецкая неуважительно говорит об Улановой, я не могу ее слушать - выключаю телевизор. Уланова была гением, а Плисецкая гением не стала. Талантливой, виртуозной танцовщицей - да.

- Почему вы - тонкий знаток театрального пространства - не причастны ни к одному фестивалю? Да к той же «Золотой маске», например?

- Так уж сложилось. Когда был создан Союз театральных деятелей, мои не-

други заняли там лидирующее положение, а меня отодвинули. Меня легко отодвинули, потому что у меня никогда не было пристрастия к общественной жизни. А когда уж началась моя телевизионная жизнь, то тем более. Не ругал только ленивый. Тот же критик Дмитриевская упрекала меня за ненужные, с ее точки зрения, подробности о личной жизни Книппер-Чеховой: сделал два аборта, она не могла больше иметь детей. Все ругали актрису, что она была плохой женой Чехову, но мало кто знал, как она мучилась, как мечтала родить ребенка.

- Откуда вы все это знаете, Виталий Яковлевич?

- Надо внимательно читать переписку Чехова. Вон на той полке стоит трехтомник. Там все это есть.

- Все ваши передачи основаны на документах. В каких архивах вы работали?

- В бывшем партархиве, ЦГАЛИ, Бахметьевском архиве, Театральном музее. В одну из программ вошли материалы о старой русской Ницше, где я тоже много работал в архивах. Я покупаю много книг за рубежом: и на русском, и на английском. Вон там большая книга о Марлоне Брандо, на которой я основывался, когда делал о нем передачу. Толстые тома об Элизабет Тейлор, Мэрилин Монро... Это фундаментальные биографии, из которых я черпаю детали. А уж как, в какой форме эти детали подать, в этом весь секрет успеха.

- У вас феноменальная память...

- Да, память у меня хорошая. И потом, у меня сохранилось много документов, писем, хотя дневников никогда не вел. Я даже кое-что отдал в архив личных коллекций: письма Пилявской, например, Козловского, Ангелины Степановой...

- Сколько ваших переводов живет на сцене?

- Давайте посчитаем: «Верная жена» Сомерсета Моэма в Театре Гоголя; «Круг» Моэма в Театре Маяковского; «Священный огонь» Моэма во МХАТе; «Татуированная роза» Уильямса во МХАТе; «В баре токийского отеля» в Театре Маяковского; «Старый квартал» Уильямса в «Табакерке»; «Кей у ок» в Театре Моссовета; сейчас будет премьера «Банкета» Нила Саймона в Театре Маяковского. Четыре пьесы сняты за давностью лет. Восемь живут.

Беседу вела
Татьяна ЕРМОЛАЕВА